

горожан, и записывали. Причем, будучи чуткими к логосу филологами, не привносили в услышанное никакой отсебятины, стараясь точно передавать не только сюжет, но и нюансы и своеобразие народного языка. С 1812 по 1816 год они издали два тома «Детских и семейных сказок», в которые вошло 200 сказок и 10 детских легенд (в России к таким легендам относится всем известная жуткая история про черную руку).

В те времена в Германии еще не было общества массового потребления. И реклама не вдалбливала в головы платежеспособных бюргеров, как говорил Маркузе, ложные потребности. Поэтому выход сказок не сопровождался массовым психозом. Однако в среде интеллигенции благородный труд братьев Гримм был и замечен, и оценен по заслугам. И не только в Германии. В европейских университетах появилась мода на фольклористику. Аналогичные сборники народных сказок начали появляться и в других странах.

Россия в те времена, несмотря на потуги славянофилов, еще не бредила евразийством и считала себя европейской страной. В связи с чем Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871) начал собирать и издавать русские народные сказки. Работа была проделана громадная: с 1855 по 1863 год вышло 8 книг с шестьюстами сказками. Правда, Афанасьев, в отличие от братьев Гримм, не ходил по городам и весям в поисках народных перлов и собственноручно записал около шестидесяти текстов. «Товар» ему поставляло Русское географическое общество. Немало сказок, среди которых преобладали срамные, Александру Николаевичу рассказал за дружескими чаепитиями Владимир Иванович Даль, большой знаток потаенного русского языка.

Конечно, к сказкам можно было бы относиться исключительно как к чистому искусству, как к плоду свободного полета народной фантазии, кабы в них не было намека, добрым молодцам урока. В этом смысле чрезвычайно любопытно сравнение немецкого и русского фольклоров с точки зрения их нравственных императивов. Автор этих строк отважно решает на этот рискованный шаг, чреватый обвинениями в дойчфиллии и русофобии.

В русских сказках наибольшего жизненного успеха достигают мужчины бесталанные, так называемые «дураки». Не обладая талантами, они не имеют к тому же и особых душевных качеств. Наиболее вопиющий пример — Емеля, существо предельно ленивое, инфантильное и деклассированное. В результате он не ударя палец о палец становится правителем государства.

В немецких сказках также есть похожий тип героев, которые до поры до времени выглядят людьми заурядными. Однако достичь успеха им помогают не сверхъестественные силы, а кажущиеся бесполезными навыки. Так, например, в сказке «Три языка» юноша, который «ничего не умел», смог не только избежать смерти, но и стать папой Римским благодаря изучению языка собак, лягушек и птиц. А знаменитый и обаятельный Храбрый портняжка стал королем исключительно за счет своей ловкости и изобретательности.

Высказывание Канта о «нравственном законе внутри» находит подтверждение в немецком сказочном фольклоре. Любая ложь здесь порицается. Как и любое нарушение как Божьего, так и человеческого закона. Дева Мария насылает на девочку су-

ровые испытания не за то, что та ее послушалась, а за то, что не хотела сознаться в содеянном. «Благородный» вор, который крадет только у богатых, безусловно осуждается даже родной любящей матерью и изгоняется из отечества. Да и сам вор считает себя «искривленным деревом». Король осуждает дочь за то, что она не хочет держать слово, данное лягушонку. За воровство колокольчиков из сада волшебницы семья должна отдать маленькую дочку. Девочка, конечно, хлебнула горя, но в конце концов обрела счастье: дети за родителей не отвечают...

В русском сказочном мире понятия добра и зла существенно размыты. Поступки совершаются исходя из целесообразности, а не в силу каких бы то ни было «глупых» законов. В сказке «Вещий сон» добрый молодец, встретив трех братьев, которые никак не разделят наследство — ковер-самолет, сапоги-скороходы и шапку-невидимку, решает проблему элементарно. Пустив три стрелы вдале, посылает за ними братьев: вернувшийся со стрелой первым берет себе ковер, второй — шапку, третий — сапоги. Братья убегают, а добрый молодец забирает эти вещи себе и идет творить добрые дела. Украсть «во благо», например, королевну или мешок с золотом считается не проступком, а удалью.

У немцев понятие справедливости имеет социальный характер. Человеку из «Сказки о том, кто ходил страху учиться», который отбил у нечистой силы клад, волшебник повелел: «Одна треть принадлежит бедным, другая — королю, третья — тебе». У русских никто ни с кем делиться не намерен. Причем счастливчик весьма сильно рискует тем, что завистники убьют его ради сокровищ. Увы, таковы отличия бюрократического общества от воспетой народниками русской крестьянской общины или так называемого «мира».

В мире немецких сказок определенное место уделено библейским персонажам. Бог мудро руководит действиями людей. Ему «ассистирует» апостол Петр. Дева Мария являет милосердие. Ангелы помогают героям в трудную минуту. Священники изображены нейтрально, а порой с легкой иронией. В русских сказках упоминается лишь Бог, упоминается как неперсонифицированная надмирная сила, у которой следует просить помощи. Что же касается духовенства, то оно антагонистично по отношению к крестьянству. Иначе как попами священнослужители не называются. Чего стоит хотя бы «батюшка» из сказки «Клад». К старику, нашедшему горшок с золотыми червонцами, ночью является поп, натянувший на себя козлиную шкуру, и начинает пугать его чертом, чтобы отобрать клад...

Конечно, эту горькую правду можно назвать ложью и продолжить рассуждать об особом историческом пути «народа-богоносца», который еще совсем недавно был «великим советским народом». Но от бесконечного повторения слова «халва» во рту слаще не станет. Лишь горькое лекарство способно дать надежду на выздоровление. Увы, в данном случае именно надежду, а не само выздоровление, добраясь до которого, необходимо износить семь пар железных башмаков, изломать семь железных посохов, изорвать семь железных колпаков. Правда, такую туристическую амуницию в наш гедонистический век никто не производит.